

Александр Кондаков

Квир-архив, ЛГБТ-музей и потерянные мальчики: две версии истории сексуальности

Обсуждение гомосексуальности и опыта ЛГБТ (лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров) в современной России неминуемо обращается к спору о сексуальных «традициях»¹. Недавние законодательные инициативы официально объявили ЛГБТ «нетрадиционными», то есть не только новыми, неизвестными ранее, но и в рамках консервативной идеологии нежелательными, что выражается в попытке исключения дискуссий о гомосексуальности из публичной сферы посредством цензурного закона о «пропаганде». Само понятие «традиции» не отсылает к чему-либо однозначно плохому или хорошему: поскольку традиции изобретаются², порой их призывают побороть во имя прогресса, а в иных случаях сохранить ради благосостояния — и эти призывы будут явным образом означать противоположные отношения к понятию. В современной России отсылки властных инстанций к «традиции» интерпретируются в позитивном ключе, чтобы риторически подчеркнуть консервативный характер устоявшейся идеологии. В этой связи одним из ответов ЛГБТ может быть попытка стать частью традиции — вписать себя в более общую историю страны.

1. Хили Д. Что такое «традиционные сексуальные отношения»? // Кондаков А. (ред.) На перепутье: методология, теория и практика ЛГБТ и квир-исследований. СПб.: Центр независимых социологических исследований, 2014. С. 55–67.
2. Hobsbawm E., Ranger T. (eds) *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

Однако подобный шаг ведет к ассимиляции, потере отличительных черт ЛГБТ, что в текущем контексте может означать полное сокрытие сексуальности.

Подобные дилеммы известны не только в современной России — схожие дебаты велись и ведутся и в других странах. Научная дискуссия о влиянии работы ЛГБТ-сообщества с историей на историческое повествование часто оперирует понятием *квир-архив*. Задача этого текста — предположить примерную трактовку того, что может пониматься под *квир-архивом*. Моей целью не является предложить какой-то конкретный метод в качестве образцового или достойного неперменной репликации в работах других авторов. Скорее я хотел бы инициировать дискуссии о *квир-теории* и ее методах в российском контексте, где вопросы сексуальности имеют сегодня настолько важное значение, что законодатели не перестают создавать новые инструменты ее регулирования¹. Возможно, подобные дискуссии помогут разобраться в складывающейся ситуации не только применительно к вопросам истории, музейного и архивного дела, но и применительно к знанию о сексуальности вообще.

В самом общем плане *квир-теория* представляет собой постструктуралистский подход к анализу какого-либо предмета. Поскольку *квир-теория* происходит из диалога между критической теорией и ЛГБТ-исследованиями, предметом ее анализа преимущественно являются вопросы, связанные с сексуальностью²: от более конвенциональных обсуждений опыта геев и лесбиянок до развивающегося в отдельное направление изучения жизни гетеросексуалов. Важно, что предметом анализа *квир-теории* являются, прежде всего, не сообщества, организованные по

1. Шульга Р. Возможные стратегии ЛГБТ-движения в России в условиях репрессивной политики властей // Кондаков А. (ред.) На перепутье: методология, теория и практика ЛГБТ и *квир*-исследований. СПб.: Центр независимых социологических исследований, 2014. С. 119–120.
2. Warner M. (ed.) *Fear of a Queer Planet: Queer Politics and Social Theory*. 3d Edition. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997; *Abelove H., arale M.A., Halperin D.M.* (eds) *The Lesbian and Gay Studies Reader*. London: Routledge, 1993.

какому-либо сексуальному признаку, а отношения власти, делающие эти сообщества возможными. Квир-теоретики предлагают интерпретировать любую текущую форму сексуальной и гендерной идентичности в качестве результата отношений власти, пронизывающих общества. Исходя из положений уже складывающегося «канона» квир-теории, мое обсуждение квир-архива будет неминуемо обращаться к опыту, связанному с сексуальностью.

Поиск возможных трактовок понятия квир-архив я начну с прослеживания интеллектуальных связей между квир-теорией и феминизмом. Это позволит предложить первую версию определения квир-архива. Затем я попытаюсь описать более сложную вторую версию квир-архива, учитывающую постструктуралистские критические аргументы о (не)протяженности времени. В последней части текста на основе анализа «Музея истории ЛГБТ в России» и художественного проекта Славы Могутина «Lost Boys» я покажу, как работают мои версии квир-архива на практике. В итоге обе предлагаемые версии могут пониматься как перетекающие друг в друга, если отказаться от жестких рамок данных определений и «квирно» интерпретировать саму возможность определяться.

Версия 1: архив как музей

Многие научные подходы, ассоциируемые с термином «квир», так или иначе основываются на обширной литературе по феминистской теории, и квир-архив — не исключение. Феминизм и как интеллектуальное, и как политическое направление существенно повлиял на квир-теорию. Прослеживание всех влияний и взаимосвязей между квир и феминизмом не входит в задачи моего исследования. Однако без одного из феминистских аргументов не было бы квир-архива в том виде, в котором этот подход известен сегодня. Речь идет о разработках феминистских историков в рамках «herstory», то есть документирования женского опыта, который игнорируется официальной историей — «history». В английском языке термином «herstory»

обозначается «ее-история»: местоимение «her» включено в этот неологизм, поскольку оригинальное «history» можно прочесть как слово, содержащее только мужское местоимение — «his», то есть «его-история»¹. Феминистки таким образом указывают, что на прошлое имеет смысл посмотреть из перспективы женщины, чтобы описать его полнее и точнее, потому что существующая история искажена и отражает только одну из сторон. Это позволяет поставить новые вопросы для историографии и аргументировать новый эпистемологический подход к изучению событий прошлого, социальных феноменов и времени вообще:

Будет ли мир выглядеть иначе, если его представить, почувствовать, описать, изучить и обдумать с точки зрения женщины? Многое выглядит иначе, когда мы принимаем во внимание классовую перспективу, предложенную Марксом. Речь тут идет о новом прочтении не только экономики, государственного управления, права и международной политики. «Знание» как таковое представляется по-новому...²

Таким образом, «ее-история» является феминистским проектом по воссозданию забытых исторических нарративов и одновременно особой эпистемологией, то есть определенным методом производства знания, учитывающим потенциальные и реальные недостатки доминирующих способов мышления. Этот подход в той или иной степени объединяется более общей «женской историей»³. На пике своей популярности в 1970-е и 1980-е годы «herstory» предполагала

1. *Пушкарева Н.* Женская и гендерная история: итоги и перспективы развития в России // Историческая психология и социология истории. 2010. № 2. С. 55.
2. *Held V.* Feminism and Epistemology: Recent Work on the Connection between Gender and Knowledge // Philosophy and Public Affairs. 1985. Vol. 14. № 3. P. 296.
3. См.: *Юкина И.* История женщин России: женское движение и феминизм в 1850–1920-е годы. СПб.: Алетейа, 2003; *Дубина В.* «Обыкновенная история» Второй мировой войны: дискурсы сексуального насилия над женщинами оккупированных территорий // Журнал исследований социальной политики. 2015. № 13 (3). С. 437–450; *Muravyeva M., Novikova N.* (eds) Women's History in Russia: (Re)Establishing the Field. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2014.

расширение существующих исторических знаний за счет женских биографий, изучение роли женщин в известных исторических событиях и подчеркивание особой (невидимой) формы женской власти при интерпретации прошлого¹. Розалинд Майлз метафорически передает основной исследовательский вопрос «ее-истории» в заглавии переиздания своего монументального труда о мировой женской истории: «Кто приготовил последнюю трапезу?»² Она отсылает к картине Леонардо да Винчи и библейской истории тайной вечери, где присутствие женщин оказывается лишь незримым: все персонажи этой истории — мужчины, но за кадром остается неучтенный опыт женщин, делающих само событие возможным, хотя их вклад, по мнению Майлз, не признается официальным нарративом (в данном случае — в евангелиях и основанных на них произведениях изобразительного искусства)³.

Название книги Майлз может также подсказать потенциальные направления критики «herstory»: уже на этом уровне видно, как универсальная «мировая женская история» ставит в центр своего внимания только одну часть женщин, ассоциируемых с белой европейской религиозной и культурной традицией через отсылки к христианской мифологии. Критики также подчеркивают, что этот подход на самом деле затмевает уже имеющиеся наработки женских историков и прошлый опыт женщин, когда его адепты настаивают на отсутствии женского голоса в историческом повествовании. Так, Девони Лузер, критически оценивая вклад Розалинд Майлз, показывает, что более корректное прочтение имеющихся архивных записей прошлых веков вступает в противоречие с предпосылками «herstory», поскольку подход «ее-истории» заставлял одинаково интерпретировать женское прошлое и тем самым не учитывает исторически специфические

1. *Miles R. The Women's History of the World*. Topsfield, Mass.: Salem House Publishers, 1989.
2. *Miles R. Who Cooked the Last Supper: The Women's History of the World*. New York: Three Rivers Press, 2001.
3. На самом деле, это не совсем так, если вспомнить, например, «La cocinera» Диего Веласкеса. За напоминание спасибо Евгению Шторну.

формы высказывания женщин и о женщинах¹. Как я покажу позже, схожая критика актуальна и для некоторых интерпретаций квир-архива, хотя сам этот подход возникает благодаря критическому феминистскому анализу феминизма вообще и «ее-истории» в частности.

Основываясь на аргументах, оспаривающих универсальный женский субъект (некий общий опыт всех женщин), отдельные феминистки² предложили развитие феминистской теории, которое ветвится в разных независимых направлениях, от интерсекциональности³ до квир-теории⁴. Критические аргументы не обязательно приводят к полному преодолению критикуемых объектов. Так, менее универсалистский проект женской истории — Lesbian Herstory Archive (LHS), или Лесбийский исторический архив (ЛИА) — основывается скорее на подходах «herstory», чем ее критиков. Суть ЛИА состоит в том, чтобы документировать и собирать забытую историю именно лесбийского женского опыта⁵. Схожим образом функционирует «гей-архив», имеющий отношение к коллекционированию опыта, выбранного уже не по гендерному признаку, но по признаку сексуального желания, или «ЛГБТ-архив», сочетающий (хотя бы гипотетически⁶) сексуальность и

1. *Looser D.* *British Women Writers and the Writing of History, 1670–1820.* Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2000. P. 1–3.
2. *Rubin G.* *Thinking Sex: Notes for a Radical Theory of the Politics of Sexuality* // Carole V. (ed.) *Pleasure and Danger.* London: Routledge and Kegan Paul, 1984. P. 267–319; *Butler J.* *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity.* London: Routledge, 1990.
3. *Темкина А., Здравомыслова Е.* Интерсекциональный поворот в гендерных исследованиях // *Журнал социологии и социальной антропологии.* 2017. № XX (5). С. 15–38.
4. *de Lauretis T.* *Queer Theory: Lesbian and Gay Sexualities* // *Differences: A Journal of Feminist Cultural Studies.* 1991. № 3 (2). P. 3–18.
5. *Nestle J.* *The Will to Remember: The Lesbian Herstory Archives of New York* // *Feminist Review.* 1990. № 34. P. 86–94.
6. В научной литературе и активистских кругах часто можно встретить суждение, что некоторым из указанных в аббревиатуре «ЛГБТ» группам дается приоритет, а другие — игнорируются. Это особенно касается транс*-идентичностей. Поэтому разные группы готовы создавать отдельные «квир-архивы». См., например: *Lewis A. J.* «I Am 64 and Paul McCartney Doesn't Care»: the Haunting of the Transgender Archive and the Challenges of Queer History // *Radical History Review.* 2014. № 120. P. 13–34.

гендер¹. Эти примеры служат одним из вариантов того, что принято обозначать как квир-архив. Таким образом, эта версия «квир-архивирования» основывается на идентифицируемых формах сексуального опыта, который считается вытесненным историками на периферию и который предлагается найти, описать и сохранить.

Много внимания теории и практике квир-архива и архивирования уделила Анн Цветкович. Ее работы повлияли на придание квир-архиву той формы, которую, основываясь на внушительном проценте цитирования работ автора, можно назвать доминирующей в академической литературе. Цветкович определяла квир-архив как «архив чувств», то есть:

...тексты, рассматриваемые в качестве вместилища чувств и эмоций, которые вписаны не только в само содержание этих текстов, но и в практики их производства и восприятия. Фокусирование на травме служит для меня началом исследования обширного архива чувств — множества форм любви, неистовства, интимности, горечи, стыда и прочего, что является частью распространяемых квир-культурой флюидов².

Для Цветкович и ее последователей квир-архив — это прежде всего собрание артефактов (фотографий, текстов, видеозаписей), свидетельствующих об особом эмоциональном и интимном опыте, имеющем отношение к однополому желанию. Она также отдельно указывает на широкое разнообразие нематериальных объектов, помещаемых в архив, например на чувства и эмоции. Это отличительная черта квир-архивирования, поскольку именно так собирается «архив эфемерного»³, или эхо и резонансы,

1. *Carmichael J.* «They Sure Got to Prove It on Me»: Millennial Thoughts on Gay Archives, Gay Biography, and Gay Library History // *Libraries & Culture*. 2000. № 35 (1). P. 88–102.
2. *Cvetkovich A.* *An Archive of Feeling: Trauma, Sexuality and Lesbian Public*. Durham: Duke University Press, 2003. P. 7.
3. Теория «эфемерности» опыта и феноменов активно развивается в квир-теории, в особенности благодаря работам Хосе Эстебана Муньоса. См. об «архиве эфемерного»: *Muñoz J.E.* *Cruising Utopia: The Then and There of Queer Futurity*. New York: New York University Press, 2009. P. 115.

то есть «следы, прикосновения, мгновения» ненормативного сексуального и интимного опыта¹. Эмоции имеют значение для этой версии квир-архива еще и потому, что он представляет собой «музей памяти», способствующий возникновению аффективной связи между угнетенной в прошлом группой людей и современной публикой². Такой архив — это и музей, предполагающий восстановление справедливости (возвращение из забвения), и коллекция призрачных следов намеренно вытесненного опыта. Если музейная сторона вопроса представляется ясной, то именно архивная часть аргумента кажется проблематичной: в каких именно формах может выражаться и, соответственно, архивироваться «эфемерное», либо не совсем ясно, либо не привносит ничего принципиально нового (если оно выражается в документах и фотографиях) в теорию и практику архивирования. Ниже я вернусь к этому вопросу, рассматривая другой подход к пониманию квир-архива.

Так или иначе, архивирование в этой версии является процедурой сбора материальных и нематериальных объектов для их сохранности или коллекционирования и для будущего обращения к собранным объектам. Валери Рохи описывает этот процесс как фетишистскую попытку установить эмпирические факты прошлого об ЛГБТ и одновременно по-новому определить это прошлое благодаря новым данным³. В этом смысле чувство, сопровождающее квир-архив, соответствует ностальгии, как ее определяет Светлана Бойм: «ностальгия — это отношения между индивидуальной биографией и биографией групп или наций, между личной и коллективной памятью»⁴. Квир-архив позволяет вписать опыт ЛГБТ в более общую историю политического сообщества (страны) и создать

1. *Przybylo E., Cooper D.* Asexual Resonances: Tracing a Queerly Asexual Archive // *GLQ: A Journal of Lesbian and Gay Studies*. 2014. № 20 (3). P. 298.
2. См. статью Дарьи Хлевнюк в данном сборнике. — *Примеч. ред.*
3. *Rohy V.* In the Queer Archive: Fun Home // *GLQ: A Journal of Lesbian and Gay Studies*. 2010. № 16 (3). P. 343.
4. *Boym S.* *The Future of Nostalgia*. New York: Basic Books, 2001. P. xvi.

собственную «ЛГБТ-историю». Таким образом, альтернативная историческая запись, возможная благодаря квир-архиву, позволяет, как и в случае с «ее-историей», вписать ранее неучтенные голоса в историческое повествование.

Эта же работа предполагает, что сам факт помещения нового опыта в архив данных позволит переосмыслить прошлое, настоящее и будущее. В соответствии с воспринятой в квир-подходах перформативной теорией дискурса¹, квир-архив является в этом смысле перформативным: помещение артефактов в него изменяет саму историю, то есть изменяет интерпретацию или понимание той версии истории, которая имела хождение до того, как архив обновился. Архив в таком случае представляется не просто местом физического хранения объектов, но аппаратом власти², способствующим распределению признания на те или иные объекты в качестве либо включенных в общий исторический нарратив, либо исключенных из него. Власть архива — это прежде всего власть над будущим, сохранение какого-либо знания для последующих поколений, открытость заархивированного опыта для новых интерпретаций.

Подобное понимание власти архива ведет к распространенным в квир-теории интерпретациям темпоральности — времени, которое структурирует политику и социальные отношения. Джек Джудит Хальберстам предлагает собственную теорию квир-времени, согласно которой квир-история не является линейной, но, напротив, в этом измерении времени прошлое, настоящее и будущее слабо отличимы друг от друга, они пересекаются³. Поскольку граница между этими категориями времени подвижна, то архивирование квир-объектов оказывает перформативное воздействие на каждую из них: прошлое, настоящее

1. *Butler J.* Excitable Speech: A Politics of the Performative. New York: Routledge, 1997; *Батлер Дж.* Заметки к перформативной теории собраний. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. С. 36–37.
2. *Foucault M.* The History of Sexuality: An Introduction. New York: Vintage Books, 1990. P. 106.
3. *Halberstam J.* In a Queer Time and Place: Transgender Bodies, Subcultural Lives. New York: New York University Press, 2005.

и будущее представляются нам не такими, какими мы их считали, если мы смотрим на них из перспективы квир, они изменяются с каждым новым объектом архива. Таким образом, эта версия квир-архива представляет собой технику производства исторических данных об исключенных предметах, историзация которых оказывается делом будущего. Помещенные в историческое повествование при помощи квир-архивирования объекты открываются для последующих интерпретаций, чтобы по-новому представить прошлое (включить непризнанное), настоящее (увидеть существующее исключение) и будущее (предложить вариант изменения сложившейся ситуации, «утопию»). Это означает, что опыт ЛГБТ становится объектом внимания и производится в качестве знания, а знание, в свою очередь, влияет на социальные практики: «архивы — это стадии появления жизни»¹.

Версия 2: архив как момент

Квир-теория появляется в 1980-е годы в качестве ответа на распространенные тогда исследования сексуального опыта, ограниченного рамками идентичности: такие категории, как «гей» или «лесбиянка», могли полностью описать сексуальность человека и не подвергались сомнению. Квир-теория предлагает отправиться в путешествие, где устоявшиеся категории будут восприняты скептически, чтобы с большей точностью понять, как устроены отношения власти и потоки желания, способствующие оформлению нашего опыта в терминах абстрактных идентичностей. Иными словами, квир-теория предлагает задуматься над тем, насколько достоверно допущение об эквивалентности между категорией идентичности и опытом человека, а также над тем, как в научных исследованиях и политической практике можно по-другому говорить о сексуальности. Квир-теория задает вопросы о границах между гомосексуальностью и гетеросексуальностью, об условиях,

1. *Marshall D., Murphy K.P., Tortorici Z. Queering Archives: Intimate Tracings // Radical History Review. 2015. № 122. P. 1.*

способствующих утверждению этих границ, и о последствиях выстраивания границ между людьми, определяющимися в соответствии с существующими сегодня знаниями о сексуальности. Поскольку знание в данном случае представляется дисциплинирующей практикой¹, задача квир-теории — предложить способы ускользания от знания, а вместе с ним и от дисциплинирующей власти.

Очевидным образом, такая интерпретация сексуальности в критическом ключе не отвечает представленному выше понятию квир-архива: сомнение в самом существовании сексуальных идентичностей, адекватных эмпирическому опыту, позволяет также ставить под вопрос то, какие объекты стоит помещать в квир-архив. Эта версия квир-архива отходит от предыдущей, понимающей квир-архив как историческую работу по воссозданию «ее-истории» для ЛГБТ, поскольку в данном случае оказывается невозможно однозначно определить, что представляет собой «она», или «ЛГБТ», или любая иная категория идентичности. Говоря словами Джудит Батлер:

Термин «квир» возникает в ответ на потребность сомнения в силах статуса, простых оппозиций, стабильности... «Квир» является пространством коллективного сопротивления, точкой отсчета для исторических рефлексий и для воображения новых сценариев будущего, и таким образом он должен оставаться не определенным раз и навсегда, а все время переопределяемым, переворачивающимся, изменяющим собственное текущее определение, расширяющим свое политическое использование².

В этом размышлении Батлер обозначает термином *квир* некоторую эфемерную форму, не имеющую конечного определения, что само по себе и является ее определяющей характеристикой. Принципиальная открытость

1. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, 1999.
2. Butler J. Bodies that Matter: On the discursive limits of «sex». New York: Routledge, 1993. P. 228.

квир-архив к собственному переопределению говорит о полисемантической природе этого понятия. Таким образом, на практике (в интеллектуальном упражнении) появляется возможность преодоления линейной концепции времени. Но если квир-сексуальность нельзя четко определить, то какой опыт следует выделить, чтобы создать квир-архив? Хотя подобные заключения и затруднения могут показаться умозрительными, они основаны на конкретной теоретической и эмпирической работе, делающей их устойчивыми к критике и открывающей новые горизонты способов познания, не предполагающих эффектов в виде усиления дисциплинарного общества.

Аргументы, основанные на эмпирическом, а не теоретическом знании, хорошо представлены в критическом исследовании работ Цветкович и Хальберстам, проведенном Сарой Эденгейм¹. Автор справедливо указывает, что историки не занимаются собиранием архивов — архивы являются местом хранения («мусорными корзинами») для бюрократических документов, а не материальным воплощением исторического знания². При этом именно нестандартные истории имеют гораздо больше шансов попасть в архив, чем обычные и тривиальные истории ничем не примечательных людей³. Поэтому историки смогли отыскать в «обыкновенных» официальных архивах достаточно много материалов, касающихся гомосексуального опыта, поскольку в гетеронормативном обществе такой опыт считается нестандартным и, следовательно, достойным архивации путем сохранения медицинских и юридических свидетельств о нем. Эденгейм приходит к выводу, что квир-архив в версии Цветкович — это скорее обучающий музей: «мотивы и задачи таких обучающих архивов-музеев... — спасти определенные опыт и чувства от забвения и сохранить их для будущих поколений»⁴.

1. *Edenheim S. Lost and Never Found: The Queer Archive of Feelings and Its Historical Propriety // Differences: A Journal of Feminist Cultural Studies.* 2014. № 24 (3). P. 36–62.

2. *Ibid.* P. 39.

3. *Ibid.* P. 41.

4. *Ibid.* P. 42.

В этом замечании кроется и серьезная критика теоретических оснований такого квир-архива, поскольку для музеев характерно линейное понимание времени в противовес заявленному стиранию границ между прошлым, настоящим и будущим. Архивирование такого рода в настоящем времени воспроизводит (повторяет, цитирует) в будущем ту версию опыта, которая уже нам доступна. Иными словами, речь идет не об открытости объектов архива для будущих интерпретаций, а о повторяемости устоявшихся версий сексуальности: то, каким именно образом люди были геями и лесбиянками, сохраняется в таком музее, чтобы помочь будущим поколениям быть геями и лесбиянками схожим образом¹. Воспроизводство стандартного опыта может позволить утвердиться ЛГБТ в качестве категорий идентичности², но противоречит критической позиции квир-теории. Если существующие условия характеризуются угнетением и несправедливостью, то воспроизводство именно этой версии условий, выражающейся в том числе в повторении и сохранении категориальной эпистемологии, представляется в рамках квир-теории политической ошибкой.

Одним из ответов на возникшее затруднение является квир-практика отказа от архивирования. Поскольку институциональная власть архива дисциплинирует наши тела, создает нас в заранее известных формах, то отрицание прошлого (признание и культивирование отсутствия «ЛГБТ-истории») будет прерыванием повторяемости, сопротивлением дисциплине и, следовательно, некоторой версией свободы³. Однако отрицание не приводит к пониманию того, что можно назвать квир-архивом в этой его «немузейной» версии. Тем не менее теоретические идеи, связанные с отрицанием, имеют непосредственное

1. Ibid. P. 49; Marshall D. et al. *Queering Archives*. P. 6.
2. Это является своего рода воспроизводством (репродуктивным трудом) для ЛГБТ, см.: *Freeman E. Queer Belongings: Kinship Theory and Queer Theory // Haggerty G.E., McGarry M. (eds) A Companion to Lesbian, Gay, Bisexual, Transgender, and Queer Studies*. Oxford: Blackwell, 2007. P. 309.
3. *Nguyen M. T. Minor Threats // Radical History Review*. 2015. № 122. P. 11–24.

отношение к развитию метода квир-архива. В этой связи упоминается¹ работа Ли Эдельмана «Без будущего: квир-теория и инстинкт смерти»², основывающаяся на негативности как методе познания.

Для осмысления темпоральности — способа отсчета времени — Эдельман предлагает использовать гетеросексуальность как метафору структурирующего элемента для определения линейной временной протяженности. Если в основе нашего понимания времени находится гетеросексуальность, то, по идее Эдельмана, время предполагает будущее, которое активируется посредством потенциального появления ребенка в результате сексуального контакта (его появление, а также идеология передачи опыта и наследования связаны с будущим). Иными словами, эта метафора предполагает, что понятие времени как продолжительного феномена основано на потенциальном воспроизводстве человека — на фигуре потомства. Квир-время, напротив, предполагает только настоящий момент, поскольку продолжение рода и передача наследства не являются эффектом квир-сексуальности. Этот логический ход позволяет представить две разные концепции времени: конвенциональное время, в котором есть прошлое, настоящее и будущее, и квир-время, которое не имеет протяженности, только сиюминутность. Какая версия квир-архива может быть основана на таком понимании времени? Будет ли эта версия соответствовать другим критическим положениям квир-теории, описанным выше?

Чтобы понять, как работает квир-архив, игнорирующий временную протяженность, следует рассмотреть динамичную интерпретацию архива и отказаться от здравого смысла при его определении. Когда Сара Эденгейм критикует Цветкович и Хальберстам за интерпретацию работы историка, она понимает под архивом объективно существующую коллекцию материалов. Но что если мы концептуализируем архив как подвижное пространство,

1. *Edenheim S. Lost and Never Found.*

2. *Edelman L. No Future: Queer Theory and the Death Drive.* Durham: Duke University Press, 2004.

субъективно собирающееся всякий раз, когда к нему обращаются? Стюарт Холл полагает, что архивы «всегда находятся в активном состоянии, в диалоге, в отношении к тем вопросам, которые настоящее задает прошлому»¹. То есть можно сказать, что архив в квир-теории представляет собой сиюминутную версию самое себя в тот момент, когда возникают отношения между артефактами и субъектом, который к ним обращается. Таким образом, когда речь заходит о квир-архиве, можно говорить о ментальной и исторически специфической интерпретации архивных данных:

Архив — это не только коллекция артефактов, это также гипотеза о культурной значимости объекта, конструирование коллективной памяти и сложная запись квир-активности. Чтобы архив имел воздействие, необходимо, чтобы его пользователи, интерпретаторы и историки культуры пробирались сквозь материал и собирали вместе головоломку квир-истории прямо в процессе работы².

В этом суждении Хальберстам борется не только с собственным желанием воссоздавать линейную историю в духе конвенционального определения времени, но и с теорией сиюминутного квир-времени. Тем не менее в этой борьбе явным образом находится место для понимания архива как сложносоставного места сборки смыслов на пересечении множества интерпретаций его артефактов. В этом случае имеет значение не то, какой опыт помещается в архив, но то, как этот опыт интерпретируется в момент обращения к архиву. Говоря иначе, мы должны признать, что не знаем, были ли люди, оставившие архивные записи, геями или лесбиянками, но мы интерпретируем записи о них как имеющие отношение к некоей версии сексуальности, определяемой в момент интерпретации в терминах квир.

1. *Hall S. Constituting an archive // Third Text. 2008. № 15 (54). P. 92.*
2. *Halberstam J. In a Queer Time and Place. P. 169–170.*

Это понимание работы интерпретатора основано на трудах классика квир-теории Ив Кософски Седжвик¹. Именно она предложила квир-анализ классических произведений литературы, продемонстрировав, что те суждения, которые не считаются суждениями о сексуальности вообще и гомосексуальности в частности, могут пониматься как таковые, если учесть широкое разнообразие форм существования «квир-языка».² Седжвик справедливо полагает, что манифестации сексуальности в языке подвержены динамичному изменению под влиянием широкого спектра условий: доминирующих систем власти, положения авторов и намерений интерпретаторов. Эти условия делают конкретные формы сексуальности неузнаваемыми в разных контекстах без специальных аналитических усилий. В итоге любая интерпретация сексуальности — это версия, сложенная в условиях ее прочтения. В этом смысле квир-архив является в какой-то мере коллекцией того, чего не существует³. Более того, таковым является архив вообще: то есть собрание данных, которые сами по себе ни о чем не говорят, дискурсивно не являются значимыми до тех самых пор, пока не начинается работа по их прочтению — интерпретации, что и придает артефактам значение всегда сиюминутное, открытое к новым трактовкам.

Это теоретическое обсуждение имеет серьезное значение для понимания архивной работы. Согласно постколониальной теории, воспринятой квир-подходами, голоса подчиненных субъектов не слышны не только потому, что их намеренно не слушают, но и потому, что доминирующие смыслы производятся на языке гегемона, а не «субальтернов»⁴. Это обстоятельство не позволяет открыть

1. *Седжвик Кософски И.* Эпистемология чулана. М.: Идея-Пресс, 2002.
2. Именно в этом духе можно трактовать новый проект нью-йоркского художника-концептуалиста Евгения Фикса, который объявил о создании международного квир-языка и «Словаря квир-интернационала». См.: Dictionary of the Queer International: Call for Participation. 2018. 2 февраля / http://artseverywhere.ca/2018/02/02/queer_dictionary/.
3. *Edenheim S.* Lost and Never Found. P. 50.
4. *Чакраворти Спивак Г.* Могут ли угнетенные говорить? // Жеребкина И. (ред.) Введение в гендерные исследования. Часть II (Хрестоматия). Харьков; СПб.: ХЦГИ; Алетей, 2001. С. 649–670.

«истинный» опыт угнетенных, поскольку он уже искажен способом говорить о нем на языке властных субъектов. Так, материалы прошлого об опыте ЛГБТ доходят до нас в форме архивных документов, составленных на языке права (уголовные дела о «мужеложестве») или медицины (лечебные карточки «больных гомосексуализмом»), которые являются аппаратами власти и специфическим языком сообщения о жизни людей. Предложенный Седжвик метод интерпретации иных источников данных — тех, которые не помещались в архивы как специфически «гомосексуальные», — позволяет показать грани опыта за пределами словарей власти. Эта тактика предполагает понимание квир-архива как моментального и эфемерного (уязвимого для иных интерпретаций), а также расширяет возможности понятия сексуальности за пределами узких рамок идентичности.

Музей истории и мужские тела

Две концепции квир-архива, представленные выше, имеют как точки соприкосновения, так и важные отличия. Первая версия, которую можно назвать «архивом-музеем», основывается на предпосылке принципиальной идентифицируемости определенного опыта, позволяющей этот опыт классифицировать, вписывать в существующий контекст и хранить для будущих поколений. Эта версия учитывает феминистское определение истории как большого нарратива, упустившего из виду часть общей картины, и предлагает внести в официальный архив альтернативную историческую запись о «неучтенном» опыте. Вторая версия квир-архива не предполагает идентификации какого-либо объекта как подходящего для архивации. Скорее эта версия основана на понимании того, что любой объект может быть проанализирован множеством разных способов, в том числе через «линзы» квир-теории. Это позволяет преодолеть протяженность времени и указывает на моментальность любого объекта, создаваемого сиюминутными условиями и интерпретациями и всегда

открытого для новых прочтений. Я предлагаю посмотреть, как при помощи этих концепций можно описать разные формы манифестации сексуальности, существующие в современной России.

Первый мой пример связан с открывшимся в 2014 году «Музеем истории ЛГБТ в России». Он функционирует как онлайн-архив материалов о прошлом российских геев и лесбиянок¹. Этот музей — структурированное по темам собрание информации, демонстрирующее, что у российского ЛГБТ-сообщества есть история. В противовес незамысловатому суждению о том, что геи и лесбиянки были завезены на территорию России «заморскими» врагами, архив локальной гей-истории рисует противоположную картину. Здесь собраны достоверные свидетельства повседневной жизни российских квир-субъектов на протяжении нескольких веков. Текущие смыслы, оформляющие сексуальный опыт российских граждан, разделяют сексуальность на «традиционную» и «нетрадиционную» через политические дискуссии и правовое регулирование². Этот онлайн-музей вписывает ЛГБТ в историческую традицию — на сайте даже есть раздел «ЛГБТ традиции», прослеживающий укорененность существующих норм в прошлом.

Исторические материалы музея представляют собой публикации историков, журналистов и литераторов о событиях ЛГБТ-жизни в XIX веке, в советское время или в недавнем прошлом. Таким образом создается протяженность времени, маркируемого личным опытом прошлого геев и лесбиянок. Публикации позапрошлого века основаны на работе историков в официальных медицинских и полицейских архивах, однако музей также активно пользуется и неофициальными ЛГБТ-архивами активистов. Например, речь может идти об огромной и уникальной коллекции «Архива лесбиянок и геев», которую

1. Музей истории ЛГБТ в России (<http://lgbtru.com/>).

2. *Kondakov A.* The Silenced Citizens of Russia: Exclusion of Non-heterosexual Subjects from Rights-Based Citizenship // *Social and Legal Studies*. 2014. № 23 (2). P. 151–174.

собирает Елена Гусятинская уже больше двадцати лет. Сюда включены — среди прочего — газеты и журналы для ЛГБТ, которые издавались маленькими тиражами или в самиздате и зачастую просто недоступны широкой публике.

В качестве примера я хотел бы рассмотреть одну из публикаций музея, рассказывающую об ЛГБТ-прессе 1990-х годов. Этот пример позволяет хорошо передать характер возможного повествования идентитарной истории ЛГБТ в России, с одной стороны, а с другой — поставить теоретические вопросы о квир-архивировании. Обзор «Гей-пресса России в 1990–2000-е годы»¹, согласно тексту «архивной» записи, дает яркие примеры того, какие газеты издавались в разных регионах и городах страны для гомосексуальной аудитории до развития интернета. Это, конечно, не все публикации, касающиеся этой темы, но тем не менее виртуальная экспозиция оформлена так, чтобы показать широкую совокупность соответствующего архивного материала: от уголовной тематики до объявлений о знакомствах. Выбранные для демонстрации экспонаты предлагают читателям разные формы идентификации с материалом и воспроизводят конкретные нормы сообщества в их исторической форме. Так, страницы газеты «Голубок», издаваемой в городе Чита, представляют собой яркий пример относительно полного набора норм российского мужского гомосексуального сообщества. Здесь публикуются новости, эротические фотографии, объявления о вечеринках и дискотеках, реклама видеокассет с фильмами, которые можно заказать по почте из города Ангарска-13, поздравления с праздниками и объявления о знакомствах.

Первый номер газеты «Голубок» открывается приветствием редактора, в котором он радостно сообщает: «Коллектив нашей редакции приложил максимум усилий и вот результат — ты держишь в своих ручонках первый номер газеты для читинских гомосексуалистов. С чем тебя

1. Гей-пресса России в 1990–2000-е годы. Обзор // Музей истории ЛГБТ в России. 2017. 28 июля / <http://lgbtru.com/movement/smi/366/>.

и поздравляю!»¹ В этом высказывании отражается исторически конкретная форма мужской гомосексуальности, выраженная ныне устаревшим словом «гомосексуалист», использование которого сегодня уже не считается приемлемым в сообществе. Но важнее другое — та специфическая эстетика, в которой написана редакционная колонка: она в англоязычной литературе обозначается словом «camp» — китчевая эстетика субкультуры геев, популяризирующая гендерные перевоплощения, ироничный язык и «манерный» стиль. Однако кажущаяся «легкость» «кэмп» дополняется политической повесткой угнетенной сексуальности. Так, открытие летнего сезона работы танцевального клуба «Голубая звезда», анонсируемое на первой странице газеты, приурочено к четвертой годовщине отмены статьи за «мужеложство». В ироничной манере этот день называется «Всероссийским праздником гомосексуалистов». Российская гей-идентичность того периода была бы неполной без отсылки к, собственно, сексу:

*Женьке (221), Павлу Д., Джону, Вовчику (О-ля),
Юре (Якутск), Тёмке (Кр-к)
Люблю тебя, как рыба воду.
Люблю тебя, как зверь свободу.
Люблю тебя, как солнца свет.
А ты меня, наверно, нет?!
Игорь²*

Эти стихи представлены в разделе «Happy Birthday» над фотографией мускулистого белого мужчины в нижнем белье, являющегося характерным объектом желания в гей-порно и эротике³. Текст стихотворения адресован сразу множеству мужчин из разных географических локаций. Если гей-идентичность обладает какими-то конкретными чертами, то помимо стилистической и политической составляющей, к ним, безусловно, относят богатую партерными сексуальную практику. Хотя опыт конкретных

1. Гей-пресса России в 1990–2000-е годы. Обзор.

2. Там же.

3. *Healey D. Active, Passive, and Russian: The National Idea in Gay Men's Pornography // Healey D. Russian Homophobia from Stalin to Sochi. London: Bloomsbury, 2018. P. 111.*

людей может не соответствовать этому образу, фонтанирующая сексуальность продолжает оставаться неотъемлемым культурным шаблоном гей-идентичности¹.

Материалы «Голубка» заставляют историзировать гей-идентичность, помещать эту версию гомосексуальности в контекст российской повседневности конца 1990-х годов — периода неконтролируемой сексуальной гласности. Сам факт существования газеты и представленные в ней материалы показывают, что российская гей-идентичность, несмотря на множественность ее наименования, существовала и обладала обычным набором характеристик: стилистическая субкультурная форма «кэмп», политический компонент сопротивления прошлому угнетению и сексуальная составляющая. Это понимание гей-идентичности, представленное в музее ЛГБТ-истории, производит новые эффекты в нашем настоящем: она обладает неким подрывным потенциалом, поскольку оспаривает не только тезис об отсутствии геев в России, но и риторику сексуальной невинности российского общества, активно педантируемую сторонниками концепции «традиционной» сексуальности². Газета «Голубок» явным образом демонстрирует иное видение России в контексте сексуальности.

Этот пример отсылает к конвенциональной версии архива, укорененного в стандартной структуре времени, где есть прошлое, настоящее и будущее, — временная протяженность, предполагающая развитие (в идеале от «плохого» к «хорошему»). Хотя это и конвенциональное понимание времени («не-квир»), тем не менее мы можем согласиться с Цветкович и Хальберстам в том, что архив такого рода тоже является в некотором смысле квир-архивом, поскольку не только воспроизводит нормы субкультуры и концепцию идентичности, но и производит

1. *Halperin D.M.* How to Be Gay. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2012. P. 79; *Мосс К.* Воплощение гомосексуальности в работах Евгения Харитоновича и Геннадия Трифонова // Кондаков А. (ред.) На перепутье: методология, теория и практика ЛГБТ и квир-исследований. СПб.: Центр независимых социологических исследований, 2014. С. 191–201.
2. *Хили Д.* Что такое «традиционные сексуальные отношения»?

эффект подрыва текущего состояния сексуального дискурса самим фактом демонстрации альтернативного опыта. Получается, что в сугубо гетеронормативном контексте, заданном текущей пуританской идеологией «традиционных ценностей», любая отличная форма сексуальности становится субверсивной.

Теперь я предлагаю рассмотреть другой пример, который намеренно не отсылает к ЛГБТ-тематике, но может быть интерпретирован как квир-архив в его второй версии, представленной выше. Для этого я хочу кратко проанализировать место сексуальности в художественном проекте Славы Могутина «Lost Boys»¹. Что архивируется в этом квир-архиве?

«Lost Boys» — это серия фотографий мужчин, снятых в разном постсоветском антураже: на фоне изображений Ленина, в российских полуразрушенных подъездах, в интерьере неотреставрированных квартир многоэтажек. Хотя некоторые из этих фотографий имеют явные отсылки к сексуальности (изображение эрегированных половых органов, интимная близость), другие, напротив, не сексуальны каким-либо очевидным образом. Многие из героев фотографий одеты в военную форму или имеют элементы одежды, ассоциируемые с маскулинными насильственными субкультурами (неофашисты, хулиганы, футбольные фанаты). Эти снимки представляют нам картину, в которой сексуальность имеет определенные смысл и место, однако по отдельности некоторые из них никак не отсылают к сексуальности. Личность самого автора этих фотографий также предполагает, что квир-сексуальность — неотъемлемый элемент художественной задумки². Иными словами, квир как часть работы Могутина в данном случае является результатом интерпретации — эффектом усилий, которые должен приложить зритель в подходящих контекстуальных условиях.

В таком случае «Lost Boys» — неминусомо сложный и неоднозначный, оспариваемый и открытый для разных про-

1. Lost Boys. 2018. 8 марта / <http://slavamogutin.com/lost-boys/>.

2. См.: Moss K. (ed.) *Out of the Blue: Russia's Hidden Gay Literature*. San Francisco: Gay Sunshine Press, 1997. P. 393.

чтений проект сексуальности. К тому же сексуальность на этих фотографиях имеет эфемерное, не всегда отчетливо уловимое присутствие. Она материализуется в форме сиюминутного чувства того, что на фотографиях представлено нечто «квирное», нечто сексуальное. Квир в проекте Могутина также можно понимать как манифестацию нечеткой границы между гетеросексуальностью и гомосексуальностью: на этих фото неясно, что может делать их героев геями или «натуралами», они все в той или иной степени одновременно и то и другое. Все это отсылает к пониманию квир-архива как сиюминутного проекта, немужейного типа информации, воспринимаемого больше на уровне эмоций, чем знаний.

Проект Славы Могутина может быть предметом «Музея истории ЛГБТ в России», став частью одной из множества виртуальных экспозиций, и тем самым предстать перед зрителями в контексте, провоцирующем однозначные интерпретации. Скорее всего в его текущей форме проект не найдет там места (из-за «провокационного» содержания), но потенциально его положение в качестве экспоната такого музея нельзя отрицать. Однако важно подчеркнуть, что в качестве квир-архива в его второй из представленных выше версий этот проект формируется, даже не являясь частью экспозиции какого-либо музея. Его квир-форма создается в сиюминутных интерпретациях его случайных или намеренных зрителей, каждый из которых предлагает свои трактовки и создает собственные уникальные смыслы «Lost Boys». Это и делает проект Могутина частью неуловимого и всеобъемлющего квир-архива, в который складывается любой потенциальный артефакт, открытый к квир-интерпретациям.

Заключение

Две версии того, как можно понимать концепцию квир-архива, не только представляют собой спор об определении этого конкретного понятия, но дают потенциал к широкой дискуссии о предмете и методах квир-теории. Появившись

в качестве термина в конце 1980-х в американской научной литературе, *квир* был подвержен овеществлению, или реификации¹, превращаясь постепенно в очередную категорию идентичности², которая добавляется к постоянно расширяющейся аббревиатуре «ЛГБТ»: ЛГБТК³. С одной стороны, это противоречило посылке квир-теории как подхода принципиально критического к самой идее идентичности. С другой стороны, поскольку *квир* никогда не определяется окончательно, почему в какой-то момент и в каких-то контекстах он не мог бы определяться в качестве еще одной формы сексуальной идентичности?

Как и квир-теория в целом, квир-архив характеризуется нестабильностью собственного точного определения. Исходя из постструктуралистских подходов к анализу, авторы, размышляющие о квир-архиве, подчеркивают его перформативную способность изменять категории времени, а вместе с ним и категории сексуальности. Если этот ход и звучит заманчиво в теории, применить его на практике оказывается не так просто: категории времени и идентичности воспроизводятся через актуализацию некоторой версии квир-архива, превращая его в конвенциональный архив для воспроизводства знаний — своего рода обучающий музей ЛГБТ-сообщества. И все же квир-архив может также быть методом интерпретации прочитываемых манифестаций дискурса, работой аналитического воображения и чувственного опыта чтения, которые делают предмет анализа «квирным» хотя бы в момент производства интерпретации.

Любая из версий квир-архива производит эффекты: вписывание забытых историй в общий исторический нарратив или расширение способов говорить о сексуальности

1. *Floyd K.* The Reification of Desire: Toward a Queer Marxism. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2009.
2. *Levy D., Johnson C.* What does the Q mean? Including queer voices in qualitative research // *Qualitative Social Work*. 2012. № 11. P. 130–140.
3. Современные дискуссии в квир-теории ставят под сомнение то, что сексуальность вообще и сексуальные идентичности в частности являются ее предметом. См.: *Halley J., Parker A.* Introduction: After Sex? On Writing Since Queer Theory // *South Atlantic Quarterly*. 2007. № 106 (3). P. 421–432.

вне условных рамок идентичности — все это сказывается на эпистемологии сексуальности. Поэтому определяющим моментом для квир-архивирования должно стать изменение наших представлений о сексуальности в целом: форм говорения о сексе и представления себя в качестве сексуальных субъектов. Мое деление квир-архива на более и менее «квирное», следовательно, также остается неполным, с нечеткими границами между двумя версиями, никогда не определенными окончательно, всегда открытыми к новым интерпретациям.

Режимы знания

